

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44
М62

Bernard Minier

GLACÉ

Copyright © XO Editions, 2011. All rights reserved. Published by arrangement with Lester Literary Agency

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Миньер, Бернар.

М62 Лед / Бернар Миньер ; [перевод с французского О. И. Егоровой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с.

ISBN 978-5-04-103530-3

Этот роман стал бестселлером №1 во Франции и получил премию Cognac Crime Novel Prize. Переведен более чем на 20 языков, создав его автору репутацию живого классика французского триллера, а компания Netflix сняла по нему сериал.

В глубине души любой преступник, каким бы безжалостным он ни был, желает того же, чего ждет от мира невинное дитя: любви и признания...

Возле городка, затерянного во французских Пиренеях, расположен Институт психиатрии, где содержатся психопаты, маньяки и серийные убийцы. Охрана там очень надежная, но когда неподалеку происходит несколько убийств, подозрение все равно падает на пациентов института. Поэтому капитану полиции Мартену Сервасу и сотрудникам клиники придется объединить усилия, чтобы распутать цепь чудовищных преступлений...

Читая этот роман, вы словно совершаете сошествие в бездну.

УДК 821.133.1-312.4
ББК 84(4Фра)-44

© Егорова О.И., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103530-3

*От Дианы Берг, Женева
Доктору Варнье,
Институт психиатрии Варнье,
Сен-Мартен-де-Комменж*

РЕЗЮМЕ ДИАНЫ БЕРГ

психолога Швейцарской федерации психологов, специалиста по судебной психологии Швейцарского общества судебной психологии

Дата рождения: 16 июля 1976 г.

Национальность: швейцарка.

Дипломы

2002: Диплом высших исследований по клинической психологии Женевского университета. Дипломная работа: «Импульсивные действия, некрофилия и расчленение тел убитых у серийных убийц».

1999: Лицензиат¹ по психологии, Женевский университет. Тема: «Некоторые аспекты детских страхов у детей в возрасте 8–12 лет».

1995: Аттестат зрелости. Классика и латынь.

1994: Аттестат по английскому языку первой степени.

Практическая деятельность

2003: Частный кабинет психотерапевта и судебного психолога, Женева.

2001: Ассистент проф. Шпицнера на факультете психологии и педагогических наук Женевского университета.

1999–2001: Психолог-стажер Института судебной медицины при Женевском университете.

Психолог-стажер медицинской службы тюрьмы Шан-Долон.

¹ Во Франции лицензиатом именуется ученая степень. (Здесь и далее прим. перев.)

Членство в профессиональных обществах

Международная академия права и психического здоровья.
Женевская ассоциация психологов-психотерапевтов. Швейцарская федерация психологов.

Швейцарское общество судебной психологии.

Интересы

Классическая музыка (10 лет обучения игре на скрипке), джаз, чтение.

Спорт: плавание, бег, подводное плавание, спелеология, прыжки с парашютом.

Пролог

Дгдгдгдгдгд — так-так-так — дгдгдгдгдгд — так-так-так.

Бормотание троса прерывалось постукиванием блоков на опорах, и кабина фуникулера периодически вздрагивала. К этой какофонии добавлялся свист вездесущего ветра, похожий на испуганный детский плач. Чтобы перекрыть непрерывный грохот, тем, кто ехал в кабине, приходилось кричать. Их было пятеро, включая Гюисманса.

Дгдгдгдгдгд — так-так-так — дгдгдгдгдгд — так-так-так.

— Вот черт! До чего неохота подниматься наверх в такую погоду! — крикнул один из них.

Гюисманс молчал и старался сквозь снежные вихри, летящие вокруг кабины, разглядеть внизу озеро. Двойная нить тросов уходила в серую мглу.

Облака чуть расступились, и на миг появилось озеро. Оно блеснуло на солнце, как маленькая лужица, крошечный глазок воды среди нагромождений внезапно разорвавшихся облаков.

— А что ты с ней сделаешь, с погодой? — отозвался второй. — Так и на неделю можно застрять на этой гребаной горе!

Аррунская гидроэлектростанция представляет собой серию галерей, углубленных на семьдесят метров под землю на двухкилометровой высоте. Самая длинная из них тянется на одиннадцать километров. По ней вода из верхнего озера поступает в напорный трубопровод полутораметрового диаметра, сбегаящий по горе и сбрасывающий воду на турбины производственного блока, который находится внизу, в долине. Добраться до высокогорной электростанции можно только одним путем: через шахту. Вход в нее находится почти у вершины, потом надо

спускаться до главной галереи на грузовом лифте, а затем, после того как закроют водяные заслонки, преодолеть около восьми километров по галереям на двухместном тягаче. Это около часа пути в полной темноте.

Есть, правда, еще вертолет, но им пользуются в крайних случаях. У верхнего озера оборудована посадочная площадка, пригодная только в хорошую погоду.

— Иоахим прав, — сказал самый старший. — В такую погоду вертолет не сможет сесть.

Они понимали, что это означает. Через несколько минут после их проезда откроются заслонки, и тысячи кубометров воды с ревом ринутся по галерее. В случае аварии понадобится около двух часов, чтобы осушить галерею, еще час, чтобы добраться на тягаче до шахты, двадцать минут на подъем, еще десять на спуск по канатке до электростанции и тридцать по дороге на Сен-Мартен-де-Комменж, если, конечно, дорога не будет перекрыта.

Если произойдет авария, то они доберутся до больницы не раньше чем часа через четыре. А станция ветшает. Она работает с 1929 года. Каждую зиму, перед таянием снегов, бригада проводит наверху четыре недели, занимаясь проверкой, починкой и заменой отслужившего свой срок оборудования. Работа трудная и опасная.

Гюисманс следил за орлом, кружившим метрах в ста от кабины фуникулера, и молчал. Потом он перевел взгляд на ледяные провалы, смутно темнеющие под днищем кабины.

Три огромные нити трубопровода спускались в пропасть, повторяя горный рельеф. Долина уже давно пропала из виду. Метрах в трехстах внизу из тумана выступала последняя опора, поставленная там, где склон образовывал широкую полку. Кабина подъезжала к входу в шахту. Порвись сейчас трос — и кабина пролетит много десятков метров вниз и расколется о скалы, как орех. Ветер раскачивал ее, словно корзину с продуктами у спешащей домой хозяйки.

— Эй, кашевар! Чем нас сегодня накормят?

— Да уж точно не мясом!

Не смеялся один Гюисманс. Он следил за маневрами желтого директорского микроавтобуса далеко внизу, на площадке

перед станцией. Автомобиль уехал оттуда и пропал из виду. Его окружила и поглотила толпа облаков, будто племя индейцев, напавшее на дилижанс.

Каждый раз, когда Гюисманс забирался сюда, ему казалось, что он ухватил простую, изначальную истину своей жизни. Но вот объяснить, какую именно, он не мог, а потому перевел взгляд наверх, к вершине.

Они подъезжали к металлической площадке у бетонированного входа в шахту. Здесь канатка заканчивалась. Как только кабина остановится, все пройдут по мосткам к ступеням блокгауза.

Гюисманс прищурился.

Площадка смотрелась как-то непривычно.

Было на ней что-то лишнее...

В переплетении металлических балок, качавшихся от ветра, угадывалась смутная тень.

«Орел угодил на трос и повис на роликах», — подумал он.

Да нет, чепуха. Тем не менее на тросе висела большая птица с раскинутыми крыльями. Может, гриф попал между прутьев решетки, да так и застыл от холода?

— Эй, поглядите-ка!

Это был голос Иоахима. Он тоже заметил. Все повернулись к платформе.

— О господи! Это еще что такое?

«Нет, не птица», — подумал Гюисманс.

Смутная тревога охватила его. Над платформой, как раз под переплетением тросов и металлических балок, что-то висело, словно подвешенное в воздухе. Оно напоминало гигантскую бабочку, темный, зловещий силуэт четко выделялся на фоне беслого неба и снега.

— Ох, блин! Это еще что за штучки?

Кабина замедлила движение. Они приехали. Силуэт увеличился.

— Матерь Божья!

Это была не бабочка. И не птица.

Кабина остановилась, и двери автоматически открылись.

В лицо прибывшим ударил ледяной ветер со снегом. Но никто не торопился выходить из кабины. Все молча вглядывались

в то, что сотворила безумевшая смерть, и знали, что никогда не забудут того, что увидели.

Вокруг платформы завывал ветер. Гюисмансу больше не чудился в нем детский плач. Теперь звучала жестокая мука. Все дружно попятились от входа.

Страх налетел на них, как идущий на полной скорости поезд. Гюисманс бросился к наушникам и лихорадочно надел их на голову.

– СТАНЦИЯ? ЭТО ГЮИСМАНС! ВЫЗЫВАЙТЕ ПОЛИЦИЮ! СКАЖИТЕ, ЧТОБЫ ЕХАЛИ ПОСКОРЕЕ! ЗДЕСЬ ТРУП! ЧЕРТОВЩИ-НА КАКАЯ-ТО, ЧОКНУТЬСЯ МОЖНО!

Часть I

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ ЛЮБИЛ ЛОШАДЕЙ

1

Пиренеи. Диана Берг увидела их, перевалив через холм. Плавная зыбь холмов здесь начала, ломаясь, рваться вверх, и на весь горизонт растянулась пока еще далекая белая стена. По небу нарезала круги хищная птица.

Десятое декабря, девять часов утра.

Если верить дорожной карте на табло, установленном на обочине, то ей надо миновать ближайший съезд с шоссе и повернуть на юг, в сторону Испании. На ее старенькой «Ланчии» не было ни навигатора, ни бортового компьютера. На растяжке над дорогой она прочла: «Съезд № 17, Монтрежé/Испания, 1000 м».

Диана ночевала в Тулузе, в отеле экономкласса, в крошечном номере с пластиковой душевой кабиной и мини-телевизором. Ночью ее разбудили какие-то крики. Она резко села на постели и насторожилась. Однако отель был погружен в полную тишину. Диана уже решила, что ей показалось, но тут крики зазвучали снова. У нее все внутри перевернулось, но тут она поняла, что это коты дерутся под окном. Однако сон пропал, и снова заснуть ей не удалось. Еще совсем недавно она была в Женеве, отмечала отъезд с коллегами и друзьями, разглядывала убранство своей комнаты на факультете и гадала, как будет выглядеть ее следующее обиталище.

Выводя машину с парковки отеля по лужам талого снега, сползшего с кузовов, Диана вдруг поняла, что юность-то осталась позади. Она знала, что через пару недель забудет свою прошлую жизнь, а спустя несколько месяцев переменится и сама. Иначе и быть не может, если учесть, какое место на целый год станет для нее средой обитания.

«Оставайся самой собой», — советовал ей отец.

Выруливая с маленькой площади на уже запруженную транспортом улицу, Диана спрашивала себя, будут ли эти перемены к лучшему. Кто-то сказал, что зачастую, чтобы приспособиться, надо что-то терять, но она надеялась, что это не про нее.

Ее мысли все время возвращались к институту и к тем, кого туда поместили...

Они преследовали Диану с самого утра: «Не надо было сюда ехать. Я не справлюсь. Да, я подготовилась и лучше других подхожу для работы здесь, но совершенно не знаю, с чем столкнусь. Они же будут читать меня как открытую книгу».

Она думала о пациентах института как о людях, а вовсе не как... о монстрах каких-нибудь.

Хотя, по сути, они, наверное, такие и были: кошмарные существа, так же мало походившие на Диану, ее родителей и всех, кого она знала, как тигры на обычных кошек.

Тигры...

Наверное, так на них и надо смотреть. Они непредсказуемы, опасны, способны на любую жестокость. Тигры в высокогорной клетке...

На шоссе, на пункте уплаты дорожной пошлины, она обнаружила, что, отвлекшись на все эти мысли, позабыла, куда дела свой проездной талон. Дежурный внимательно изучал Диану, пока она лихорадочно рылась в бардачке и сумочке. А ведь ее никто не подгонял, на шоссе не было ни души.

На очередной круговой развязке Диана свернула в сторону гор, за которыми лежала Испания, и через несколько километров равнина внезапно оборвалась. Появились первые горные отроги, и дорога пошла среди заросших лесом холмов, в которых пока было мало общего с зубчатыми вершинами, возникшими на горизонте. Погода тоже поменялась, и повалил густой снег.

За крутым поворотом лента шоссе нависла над заснеженной лесистой равниной, перерезанной множеством речек. На вершине одного из холмов Диана различила готический собор, а рядом с ним — небольшое селение. Сквозь мелькание дворников пейзаж походил на старинный офорт.

— Пиренеи — это тебе не Швейцария, — предупреждал ее Шпицнер.

Снежный бордюр по бокам шоссе начал вырастать.

Сквозь снег она различила слабый свет проблескового маячка и подъехала к полицейскому кордону. Снег валил все гуще и гуще. Дорожные полицейские за шлагбаумом помахали ей светящимися жезлами. Диана заметила, что они вооружены. В грязном снегу на обочине под высокими пихтами стояли фургон и два мотоцикла. Она опустила стекло, и на сиденье посыпались снежные хлопья.

— Мадемуазель, ваши документы, пожалуйста.

Она наклонилась, чтобы вытащить документы из бардачка, и сквозь мерный стук дворников и сердитое ворчание выхлопной трубы различила обрывки каких-то хриплых фраз в нагрудных рациях постовых. Лицо Дианы покрыла холодная сырость.

— Вы журналистка?

— Психолог. Я еду в Институт Варнье.

Наклонившись к открытому окну, полицейский, здоровенный белобрысый парень ростом под метр девяносто, принялся ее внимательно разглядывать. Сквозь шум радиосигналов Диана различила грохот горной речки в лесу.

— Что вас занесло в это захолустье? Швейцария — вроде бы не задворки.

— Институт — это психиатрическая клиника, а я психолог. Показать вам свидетельство?

— Нет, все в порядке. — Он отдал документы. — Проезжайте.

Интересно, французские полицейские всех автомобилистов так допрашивают на постах? Или здесь что-то случилось? Дорога несколько раз вильнула между деревьями, повторяя изгиб речки, названной в путеводителе горным потоком. Потом лес кончился и открылась долина километров в пять шириной. По ней шла длинная прямая трасса, по сторонам которой теснились опустевшие кемпинги с печально хлопающими на ветру флагами, станции обслуживания и красивые домики в стиле альпийских хижин. Целые ряды рекламных щитов расхваливали достоинства окрестных лыжных курортов.

Наконец показался Сен-Мартен-де-Комменж. Если верить путеводителю с яркими картинками, он насчитывает двадцать тысяч восемьсот шестьдесят три жителя. Над городом, закрывая вершины гор, нависли серые тучи. Кое-где в разрывах облаков, словно высвеченные прожектором, проглядывали то остроко-

нечный горный пик, то изгиб ущелья. С первого же круга Диана свернула, согласно указателю, к центру города и поехала по узкой улочке направо, огибая гостиницу с зазывной неоновой вывеской «Спорт и природа». На улицах полно пешеходов, на парковках — автомобилей.

«Это не то место, которое порадует молодую даму». Слова Шпицнера всплыли в мозгу Дианы, когда она колесила по улицам, вслушиваясь в доверительное постукивание дворников.

Улица пошла в гору, и внизу показались плотно сдвинутые крыши домов. Снег под колесами превратился в грязную жижу, хлеставшую по днищу автомобиля. «Диана, ты уверена, что тебе хочется туда ехать? Это немногим лучше Шан-Долона». Так называлась швейцарская тюрьма, где она, получив лицензию психолога, проводила судебно-медицинскую экспертизу обвиняемых в сексуальных преступлениях. Там Диана насмотрелась на серийных убийц и педофилов, попадались и случаи «дурного внутрисемейного сексуального обращения с членами семьи». Этим административным эвфемизмом обозначались насильственные кровосмешения. Ее вызывали и на экспертизы по определению, заслуживает ли доверия то или иное заявление о насилии, исходящее от несовершеннолетнего. Тут она с ужасом обнаружила, насколько запутывает такие экспертизы идеологическое или моральное предубеждение эксперта. Зачастую не только запутывает, но и уводит от объективности.

— Об Институте Варнье рассказывают любопытные вещи, — говорил Шпицнер.

— Я беседовала с доктором Варнье по телефону, и он произвел на меня приятное впечатление.

— Да, Варнье очень хорош, — соглашался Шпицнер.

Диана знала, что официальное приглашение исходило не от Варнье, а от его преемника, доктора Ксавье. Варнье полгода назад вышел в отставку, и сюда из Института Пинеля в Монреале перебрался уроженец Квебека, доктор Ксавье. Но ее кандидатуру предложил именно Варнье. Это он высмотрел Диану еще до своей отставки и в ходе многочисленных телефонных переговоров старался всячески наставить ее в плане предстоящих трудностей.

— У нас молодой женщине придется нелегко, доктор Берг. Я говорю не только об институте, а обо всей обстановке. Наша

долина... Сен-Мартен — это Пиренеи, это Комменж. Зимы здесь длинные, развлечений мало. Разве что вы увлекаетесь зимними видами спорта.

На что она не без юмора ответила:

— Не забывайте, я ведь швейцарка.

— В этом случае хочу вам дать совет. Не позволяйте делу себя затянуть, оставьте себе свободную от работы территорию. Старайтесь проводить досуг вне стен института. Это место, если там долго находиться, может стать — как бы это сказать? — дезорганизующим фактором.

— Постараюсь об этом помнить.

— И вот еще что. Не я буду иметь удовольствие вас пригласить. Это возьмет на себя мой преемник, доктор Ксавье из Монреала. Он практикующий врач с прекрасной репутацией, должен сюда приехать на следующей неделе. Человек увлеченный, энтузиаст. Как вам известно, они нас немного опередили, взяв на свой страх и риск агрессивных пациентов. Думаю, вам будет интересно сопоставить его и свою точки зрения.

— Я тоже так считаю.

— Главе подобного заведения давно уже был нужен заместитель. Я один не справлялся.

Диана снова оказалась под деревьями. Дорога, все время поднимаясь, вывела в тесную лесистую долину, словно замаскированную в смертоносной глубине. Диана приоткрыла окно, и в него хлынули запахи листьев, мха, хвои и снега. Шум горной речки почти заглушал шум мотора.

— Уединенное местечко, — произнесла она нарочито громко, чтобы придать себе смелости.

В серой мгле зимнего утра Диана вела машину очень осторожно. Фары освещали стволы пихт и буков. Вдоль шоссе тянулась электролиния. Ветви деревьев обвисли, словно у них уже не было сил себя держать. Временами лес раздвигался, и появлялись какие-то заброшенные строения с замшелыми шиферными крышами: то ли риги, то ли гумна.

Вдали за поворотом она заметила дома. Деревянные и бетонные постройки с большими, до самой земли, окнами теснились возле леса. От шоссе к ним вела дорога. Она пролегла по железному мосту через речку и пересекала заснеженную равнину.